
НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Быкова М.Ф.

профессор Университета Северной Каролины, г. Райли, Северная Каролина, Campus Box 8103, Raleigh, NC 27695-8103, США; почетный член Института философии РАН, Россия 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: mfbykova@ncsu.edu.

Синеокая Ю.В.

член-корреспондент РАН, профессор РАН, руководитель сектора истории западной философии Института философии РАН, 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: jvsineokaya@gmail.com.

«Испытать жизнь сполна».

Интервью с проф. М.Ф. Быковой

Аннотация: В юбилейном интервью с профессором Университета Северной Каролины Мариной Федоровной Быковой речь идет о ее творческом становлении, студенчестве в Ростовском государственном университете, годах аспирантуры в Институте философии РАН, опыте исследовательской работы в европейских научных центрах, успешной академической карьере в России и США. Обсуждается понимание философии, рассматривается вопрос о специфике профессионального занятия историей философии, вскрываются различия континентальной и аналитической философских традиций, рассказывается о журналах «Studies in East European Thought» и «Russian Studies in Philosophy» и о ключевых требованиях к авторам в американской философской периодике, анализируются особенности преподавания философии в США, Европе и России. Интервью провела Юлия Вадимовна Синеокая.

Ключевые слова: историко-философские исследования, философское образование, творческая биография, философские журналы, М.Ф. Быкова.

Дорогая Марина Федоровна,

Ваши друзья и коллеги из Института философии РАН и редколлегия Историко-философского ежегодника сердечно поздравляют Вас с юбилеем. Для нас большая жизненная удача общаться с Вами, вместе работать, вместе осмысливать как современные жизненные реалии, так и становление историко-философской традиции второй половины XX – начала XXI столетий. По окончании философского факультета Ростовского государственного университета Вы поступили в аспирантуру Института философии АН СССР. Научным руководителем Вашей кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1985 году была профессор Н.В. Мотрошилова. В 1993 году Вы защитили докторскую диссертацию, став самым молодым доктором философских наук в стране. С 1986 по 1998 годы Вы работали в секторе истории западной философии, став признанным в российской и европейской науке специалистом по философии Гегеля и Фихте. Потом переехали в США, став профессором Университета Северной Каролины, но не прерывали сотрудничество с Институтом философии, будучи избранной почетным членом Института философии РАН. Мы высоко ценим Ваше творческое присутствие в жизни Института и плодотворное дружеское общение, Ваш высочайший профессионализм, Вашу огромную работу по популяризации трудов отечественных философов за рубежом. Мы гордимся Вами и от всей души желаем здоровья, вдохновения, долгих лет жизни!

* * *

[Ю.В. Синеокая] *Марина Федоровна, в начале беседы хотелось бы спросить, что означает для Вас быть философом?*

[М.Ф. Быкова] Для меня философ – это не профессия, и даже не призвание, а специфически осмысленное отношение к жизни и своему месту в мире. Только прояснение манеры и опыта этого осмысления, а также определение его содержания может дать ответ на вопрос что, в действительности, означает быть философом. И этот вопрос тесно связан с другим, не менее сложным и важным вопросом, а именно, что такое философия и каков ее предмет.

Проблема в том, что нельзя просто заглянуть в какую-либо умную книгу или поискать в интернете и получить однозначный ответ на этот вопрос. Философия означает множество различных вещей и характеризуется многообразием подходов и, собственно, так и должно

быть. И не только потому, что философия историческая дисциплина и в ее содержании отпечатались историческая память различных эпох, традиций и мыслительных форм, но также и в силу широты охвата самого предмета философии, коим является мир во всех формах его проявления – природа, созданная человеком социальная реальность, а также все еще остающееся непостижимым пространство человеческого мышления, основывающееся на работе мозга.

Кстати, картографирование (составление карты) мозга является сегодня одной из центральных задач мировой нейробиологии (neuroscience). Ибо у нас до сих пор отсутствует полное понимание того как функционирует мозг, что, в свою очередь, создает препятствия для последовательного и непротиворечивого объяснения феномена сознания, а также того, что мы называем мышлением. А ведь деятельность философа, как известно, непосредственно связана с работой мысли. При этом данная работа отнюдь не должна быть каким-то образом формализована, например, в виде формальной классической логики. Во многом философия – это изучение всего сущего, но такое изучение отнюдь не сводится к чисто научным исследованиям. Вовсе не обязательно заниматься философией, сидя в кресле, в окружении умных книг. Ведь философская практика связана с объяснением и оценкой явлений внешнего и внутреннего мира и все мы, люди, осознанно или неосознанно вовлечены в данную практику, лежащую в основе нашего существования в качестве *сознательных* (в смысле, обладающих сознанием) индивидов.

Я не хочу сказать, что занятия эпистемологией, этикой, логикой, философией науки или исследования в каких-либо других областях философского знания не имеют ценности. Быть академическим интеллектуалом и высококвалифицированным специалистом в своей области знания, да и вообще любой специфической области человеческой практики (философской и не-философской), безусловно важно. Но в этом случае речь идет о профессиональной деятельности или призвании как способности к специфической профессии.

Однако, как мне представляется, отнюдь не обязательно быть Сократом, Спинозой или Гегелем, чтобы заниматься философией. Быть философом – это значит критически осмыслять и познавать окружающий мир и самого себя. Пытливость ума, неистощимое, даже с возрастом, любопытство и постоянное стремление к узнаванию чего-то нового и неизведанного, как в самом себе, так и в окружающем мире, это, по-моему, и есть те свойства, которые характеризуют философа.

В этом смысле, мое понимание философии, наверное, ближе всего к тому, которое развивалось Фихте. Может быть, именно поэтому в последнее время я много им занимаюсь.

Фихте понимал философию не как самоцель, не как размышление ради размышления, а как знание, открывающее человеку его назначение, пути его самореализации. Работа, в которой Фихте излагает свою весьма замысловатую философию, именуемую им наукоучение (*Wissenschaftslehre*), он так и называет «О назначении человека» («*Die Bestimmung des Menschen*»). Смысл философского поведения остался у Фихте, в принципе, тот же, что и у Сократа: философствование для него есть высшая школа человечности. Чтобы быть человеком в полном смысле этого слова, нужно не просто осмыслить или понять, а в буквальном смысле вобрать в себя принципы наукоучения и научиться олицетворять их в своей собственной жизни. Согласно Фихте, истинное назначение человека состоит не столько в чистом познании, сколько в деятельности в соответствии с познанным. Именно деятельность, а не праздное любование самим собой или непродуктивная рефлексия относительно испытываемых чувств, определяет ценность личности. Философское кредо Фихте – формирование целостного человека, который является не только мыслящим, но и деятельным существом, агентом морального действия. При этом данное развитие не является чем-то генерируемым извне. Это процесс свободного активного самосозидания и самореализации, и цель философии – воспитывать познавательную и практическую самостоятельность, развивать собственные познавательные способности.

Для меня быть философом – значит культивировать в себе интеллектуальную неуспокоенность и пытливое отношение к окружающему, это изнутри инициированное стремление к новому знанию и более глубокому, а значит, точному пониманию изучаемого предмета; деятельность по самореализации. Наверное, именно такое постоянное стремление к наиболее полной самореализации и придает смысл и наполненность самой жизни. Способность реализовать себя и занять достойное место в жизни – в этом, собственно, и состоит сила человека и его предназначение. Ценность жизни измеряется не в материальных категориях, а в духовных, и всецело зависит от нашего индивидуального выбора. По-видимому, это то, что имел в виду Альберт Эйнштейн, когда во время одного из своих публичных выступлений на вопрос из аудитории о том как быть успешным ответил, что стремиться надо не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл.

Каков был Ваш путь в философию? Как Вы решили стать философом?

Наряду с литературой и историей моими любимыми предметами в школе были математика и физика. Так что я вовсе не была «прирожденным» гуманитарием. Мне всегда нравилось учиться, и еще я любила читать. Причем читала не только художественную литературу (и в большей степени вне школьной программы), но также публицистику, различные научные издания и научно-популярные журналы, да и просто то, что попадалось на глаза и привлекало внимание. В десятом классе совершенно случайно я наткнулась на книгу Ф.Х. Кессиди «Сократ»¹. Эта довольно маленького размера книжечка вышла в серии «Мыслители прошлого» и была написана очень ярким и доступным языком. Она меня настолько заинтересовала и увлекла, что я буквально «проглотила» ее за несколько дней. Вот тут-то у меня и проснулся интерес к философии, о которой на тот момент я не знала ровным счетом ничего. Но имя «Кессиди» врезалось в память и моя следующая «философская» книга была его же «От мифа к логосу»², которую я нашла на полке своей районной библиотеки (жила я тогда в Ростове-на-Дону). Собственно, эти две книги и сыграли «роковую» роль в моем выборе будущей профессии.

Я окончила среднюю школу с золотой медалью, а в то время медалисты получали право на зачисление в вуз после сдачи на «отлично» одного единственного экзамена (как правило, по специальности). В общем, будучи под глубоким впечатлением книг Кессиди, я подала документы на философский факультет Ростовского государственного университета (ныне Южный федеральный университет), куда успешно поступила, сдав на отлично экзамен по истории.

Хорошо помню, как тогдашний декан факультета Виктор Юрьевич Шпак собрал нас, тогда еще абитуриентов, и увлекательно рассказывал о буднях студента-философа, а также о том, что такое философия, о чем, как мне кажется, многие из поступающих, включая меня, имели весьма смутное представление. Кроме того, он честно и откровенно предупредил, что работы в философии нет и вряд ли будет и что только единицы из выпускников факультета способны найти работу по специальности. Данная информация была для многих неожиданной и неприятной, но как ни странно, меня это предупреждение не только не смутило, но как-то даже раззадорило и еще боль-

¹ Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1976.

² Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972.

ше укрепило желание поступать на философский. Я бы слукавила, сказав, что уже тогда решила идти в философию, заниматься ее историей или посвятить себя научной работе. Никакой ясности относительно будущих занятий философией у меня не было вплоть до четвертого курса. Учиться мне очень нравилось, я с огромным интересом изучала все, что нам преподавали, а также посещала массу факультативных семинаров, лекций, участвовала в философских кружках и даже ходила на защиты диссертаций, когда они были открытыми.

Специализировалась я по логике, и даже сделала несколько докладов на логических конференциях и успешно защитила диплом по диалоговой логике известных немецких исследователей Пауля Лоренцена и Куно Лоренца, чьи работы на тот момент не были переведены на русский язык и мне пришлось читать их по-немецки, одновременно осваивая хитрости философского немецкого языка. То был трудный, но замечательный опыт, который мне позже очень пригодился в работе с оригинальными гегелевскими текстами. Моим руководителем был Юрий Григорьевич Гладких (1938–1999) – основатель ростовской школы логики. Это была действительно сильная школа, о которой знали по публикациям на всех философских факультетах университетов Советского Союза. Выпускник философского факультета и аспирантуры МГУ, руководителем диссертации которого была Е.Д. Смирнова, сам Гладких был высококлассным логиком и замечательным и талантливым педагогом. Он меня «вычислил» еще на первом курсе – после того как в свой первый семестр на факультете я победила в проводимом кафедрой логики конкурсе по решению логических задач – и тут же пригласил на свою кафедру специализироваться под его руководством. Кафедра логики тогда бурно развивалась и была притягательной для многих талантливых молодых людей, и это меня очень привлекало. К тому же логика мне очень нравилась, и, может быть, из-за моей любви к математике она мне легко давалась, причем не только базовая формальная логика, но и значительно более продвинутая модальная, а также неклассические логики. Гладких был моим кумиром, и я посещала его лекции все пять лет моего пребывания на факультете: вначале в качестве студентки, а начиная с третьего курса помогала ему с проведением семинаров. Для меня это был безумно полезный и незабываемый опыт, как профессиональный, так и личный. Собственно моя склонность к логическому (последовательному, методическому) мышлению во многом результат моих логических университетов под руководством Ю.Г. Гладких, которого я считаю одним из моих наставников.

Правда, нужно признать, что во время обучения на философском факультете, логика не была моим единственным интересом. Меня также привлекала история философии, особенно немецкая классическая. Поэтому на четвертом и пятом курсах в дополнение к логике я всерьез занялась немецкими идеалистами. Именно тогда состоялось мое первое знакомство с «Критикой чистого разума» Канта и с «Феноменологией духа» Гегеля, которые мне удалось осилить с помощью спец. семинаров под руководством Виктора Николаевича Дубровина, великолепного знатока немецкой классической философии.

В мое время на философском факультете Ростовского университета работали потрясающие специалисты. В качестве самостоятельного факультета он был создан в 1972 году³, за пять лет до моего поступления. Примерно тогда же или всего несколькими годами раньше был сформирован и основной костяк преподавателей, большинство которых являлись новоиспеченными кандидатами наук, защитившимися в МГУ или в Институте философии АН СССР. Там они учились и работали под руководством Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, Т.И. Ойзермана, И.С. Нарского, В.В. Соколова, В.А. Смирнова, В.Ж. Келле и других ярких представителей философской мысли того времени. Когда я пришла на факультет, там царил дух Ильенкова, и большинство из моих преподавателей не скрывали своей приверженности идеям Эвальда Васильевича. Так что не удивительно, что мое знакомство с работами Э.В. Ильенкова произошло еще в студенческие годы.

Почему Вы решили продолжить учебу в аспирантуре Института философии в Москве? Как определился Ваш выбор научного руководителя?

Мое поступление в аспирантуру в Москве, несомненно, явилось переломным моментом в моей жизни, но, как это нередко бывает, на принятие решения значительно повлиял его величество случай. Это любопытная история.

До 1982 года (года моего окончания университета) существовало правило: все, кто заканчивал университет с отличием, могли сразу поступать в очную аспирантуру – без того, чтобы получать стаж преподавательской работы. Но уже в то время, когда я была на пятом курсе, вышло новое «уточненное» постановление, в соответствии с которым одного диплома с отличием стало недостаточно. Также появилось требование получения рекомендации Ученого совета фа-

³ До этого в РГУ существовало отделение философии, которое являлось частью экономико-философского факультета, созданного в 1965 г.

культета. Надо сказать, что мне всерьез повезло, поскольку в то время, когда мои сокурсники страдали из-за отсутствия распределения, я получила предложение сразу с трех факультетских кафедр о поступлении к ним в аспирантуру. Может быть, помогла моя Ленинская стипендия – не знаю. Но это была огромная удача. Одно из мест было по специальности «теория и истории культуры» – направление, которое факультет активно развивал. Наш декан, а также ряд факультетских профессоров не скрывали своего желания видеть меня в качестве аспирантки по данной специальности.

Но тут выяснилось, что уже несколько лет назад поданная факультетом заявка о выделении места в целевой аспирантуре Института философии АН СССР (ИФАН СССР) для одного из молодых преподавателей была утверждена и факультет неожиданно в начале мая (!) получил место в аспирантуре. К тому времени семейная ситуация у преподавателя, под которого подавали заявку, изменилась и он был абсолютно не готов через несколько месяцев отправляться на три года в Москву в очную аспирантуру. Тогда это место предложили мне и я с готовностью, хотя и с определенной неуверенностью и волнением, согласилась. Мои волнения были связаны с тем, что целевое место было по диамату или методологии науки, в то время как меня ни то, ни другое не привлекало. Понимая, что мои интересы никак не совпадают с предлагаемой специализацией, наш декан как-то сумел договориться (за что я ему бесконечно благодарна), что целевое место было преобразовано в обычное конкурсное, и мне, тогда еще москвичке, было дано право подаваться в конкурсную аспирантуру ИФАНа. Сейчас все эти перипетии звучат, по крайней мере, странно, а тогда, вначале 1980-х, в конкурсную аспирантуру допускали и принимали только москвичей. Так что можно считать, что я выиграла счастливый лотерейный билет! (Хотя в реальную лотерею я никогда не выигрываю.)

К моменту, когда у меня в руках оказался этот счастливый билет, я уже точно знала, что хочу заниматься историей философии; была ясность и с периодом, и с направлением – немецкая классика, а также с персоналией – Гегель. Почему Гегель? Потому что я мало что о нем знала и то, что я вынесла для себя после первого (и как я сейчас могу судить не совсем адекватного) прочтения его «Феноменологии духа» меня очень озадачило. Иными словами, мне хотелось в нем разобраться. При этом я понимала, что Гегель огромен, а для диссертации нужна какая-то специфическая и достаточно узкая тема. Но на чем остановить мой выбор, я не представляла. Была и другая проблема:

я была совершенно не знакома с Институтом философии, его структурой и сотрудниками. Конечно, по литературе мне были знакомы многие имена, но представления о том, кто там чем занимается, у меня не было.

И тут на помощь вновь пришли мои ростовские педагоги, многие из которых сотрудничали с коллегами из ИФАНа. Позже я узнала, что сразу несколько из моих преподавателей порекомендовали меня Нелли Васильевне Мотрошиловой, и после короткого телефонного разговора она согласилась взять меня под свою опеку. Как выяснилось, Нелли Васильевна в это время работала над рукописью своей книги «Путь Гегеля к “Науке логики”»⁴, одним из первых читателей которой мне посчастливилось быть уже будучи аспиранткой.

Хорошо помню мою первую встречу с Нелли Васильевной. Это было в конце лета 1982 г., накануне моих вступительных экзаменов в аспирантуру. Она пригласила меня на дачу в Подмоскowie, где она проводила свой отпуск, работая над книгой. После этого я, конечно, много раз бывала в приветливом и всегда гостеприимном доме Нелли Васильевны – как в ее квартире в Москве, так и на подмосковной даче. Но та первая встреча как-то по-особому врезалась в память. Меня встретили тепло, по-домашнему, как будто мы были знакомы много-много лет и лишь давно не виделись. Распросов было много, но не обо мне, а об университете и о моих ростовских преподавателях, которых, как выяснилось, Нелли Васильевна прекрасно знала по публикациям и за чьими работами она следила.

Уже в нашу первую встречу мы начали обсуждать тему моей диссертации. Идея о работе по Гегелю не вызывала никаких вопросов. Стало очевидно, что здесь мы прекрасно совпали в наших интересах. Но нужна была более конкретная тема. И тогда я поведала Нелле Васильевне о своих занятиях логикой и о том, что диалогическая логика Лоренца и Лоренцена вывела меня на проблематику мышления, которая меня всерьез привлекает, при этом даже не с точки зрения функциональности мышления (чем сегодня активно занимается аналитическая философия мышления), а скорее в аспекте диалектики мышления (с чем я отчасти была знакома благодаря работам Ильенкова). Собственно этот мой рассказ и был решающим в выборе темы диссертации. «А не заняться ли Вам проблемой мышления у Гегеля?» спросила меня Нелли Васильевна. «Тема должна быть интересной, и никто пока ей всерьез не занимался, – продолжала она. – Посмотри-

⁴ Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма. М.: Наука, 1984.

те литературу, подумайте, и давайте обсудим». На том мы и расстались.

И когда уже после успешной сдачи вступительных экзаменов мы встретились вновь, то лишь уточняли детали, решая на каком материале проводить исследование. Так что тему моей кандидатской диссертации⁵ мы утвердили очень рано, в течение нескольких месяцев после официального зачисления меня в аспирантуру ИФАНа, что дало мне возможность раннего старта и во многом предопределило успех и досрочное завершение работы. Я защитилась в ноябре 1985 г., за месяц до официального окончания срока моей аспирантуры.

Поступление в аспирантуру ИФАНа стало для меня поистине значительным событием. Признаюсь, что никогда ранее я не испытывала такого воодушевления и подъема как после зачисления в аспирантуру. И все мои аспирантские годы я до сих пор вспоминаю с особым теплом и признательностью. Без сомнения, это были решающие годы для моего формирования в качестве исследователя, годы серьезного погружения в философию. Если РГУ дал мне необходимую базу, познакомив меня с азами философской культуры, то ИФАН ввел в мир философии и развил вкус к серьезной философской работе. Поэтому в моем сознании ИФАН не в меньшей степени моя *Alma mater*, чем РГУ.

Интересно, что в Институте философии я лично познакомилась с Феохарием Харламбиевичем Кессиди, и поведала ему историю о том, как его книги обратили меня к философии. Он очень обрадовался, но одновременно и огорчился. Ибо он полагал, что логичным завершением этой истории было бы мое поступление к нему в аспирантуру. Он еще потом долго интересовался, встречая меня в коридорах институтского здания на Волхонке 14, не хочу ли я все же заняться античной философией. А я в ответ рассказывала ему, что Гегель, как и другие представители немецкого идеализма находились под значительным влиянием древнегреческой философии и что понять многие гегелевские идеи без того, чтобы разобраться в философской мысли античности (в особенности с Аристотелем) невозможно. Не могу сказать, что мой столь опосредованный интерес к античной философии его воодушевлял, но он меня всегда поддерживал в моем стремлении разобраться, какие идеи Гегель унаследовал от античных мыслителей.

Конечно, ключевую роль в моем становлении в качестве исследователя сыграла Н.В. Мотрошилова, за что я ей искренне признатель-

⁵ См.: *Быкова М.Ф.* Проблема мышления в работе Гегеля «Философия духа»: Автореф. дисс. канд. филос. наук. М., 1985.

на. Именно она научила меня серьезной историко-философской работе, в основе которой лежит анализ философских текстов, и лучше на языке оригинала. Я благодарна ей за то, что она привила мне культуру текстологического анализа, а также за то, что помогла сориентироваться в море западной литературы по моему предмету исследования и за то, что щедро делилась со мной не только своими знаниями, но и своими контактами на Западе, в частности и особенности в Германии.

Наряду с потрясающими аспирантскими курсами, которые нам читали лучшие отечественные специалисты, я также посещала лекции, семинары, встречи и симпозиумы, которые проводились в ИФАНе, МГУ и других московских центрах философской мысли, участвовала во Всесоюзных школах молодых ученых, всякого рода конференциях и просто ходила на доклады, которые регулярно проходили как в нашем, так и в других секторах. Это была счастливая пора школярства, когда у тебя, в принципе, нет никаких других обязательств, как только заниматься тем, что доставляет тебе наибольшее удовольствие – философскими исследованиями по избранной теме – пора, о которой я до сих пор вспоминаю с некоторой ностальгией. Сегодня, когда с трудом удается выкраивать время на науку, разрываясь между преподаванием, научным руководством студентами, редакторской работой в двух журналах, а также требующей значительного времени деятельностью в различных университетских комитетах и профессиональных организациях, – это, сейчас уже весьма отдаленное, время представляется несбыточной мечтой. А тогда такая жизнь была реальностью, содержанием которой была философия.

Уже во время пребывания в аспирантуре я стала публиковаться в серьезных изданиях. Хорошо помню свое ощущение, когда моя статья была принята для публикации в журнале «Вопросы философии»⁶. Тогда опубликоваться в «Вопросах» было крайне сложно, тем более для аспирантов. Потрудиться пришлось много. В то время редактором, курирующим историю зарубежной философии, был Армен Георгиевич Арзаканян, блестящий специалист в области немецкой философии и культуры и замечательный знаток немецкого языка. Никогда не забуду его изначальный вердикт: «Много интересных и ценных идей, но ряд из них остаются непрописанными. Если хотите опубликовать, над статьей придется серьезно работать». И мы долго и упорно работали над моим текстом вдвоем, вместе с Армен Георгиевичем. Нет, он вовсе его не переписывал. Он проговаривал со

⁶ *Быкова М.Ф.* Понимание мышления в философии духа Гегеля // *Вопросы философии.* 1986. № 4. С. 117–128.

мною те идеи, которые я пыталась изложить, мастерски демонстрируя, как можно перефразировать предложения или даже целые абзацы, чтобы мое повествование стало более ясным для читателя, не всегда осведомленного в деталях того философа или философского направления, о которых шла речь в статье. Он очень трепетно относился к цитатам. И поскольку я использовала в своей статье большое количество немецких текстов – как самого Гегеля, так и критической литературы о нем – он настоял на том, чтобы я принесла ему все оригинальные тексты, с которыми я работала, и мы вместе сверяли и уточняли мои переводы. Его редактирование не было простой технической работой. Мы часами, иногда до хрипоты, спорили о том, как интерпретировать те или иные концепции у Гегеля. Он никогда не навязывал своего мнения и с интересом выслушивал позицию собеседника. Но он всегда настаивал на более четком выражении мысли, а также на необходимости ясного и философски корректного объяснения своей позиции. Мы работали над моей статьей несколько месяцев, в течение которых я, находясь под впечатлением наших дискуссий, все время что-то переписывала, дописывала и уточняла. Общение с Арменом Георгиевичем оказало большое влияние на мое становление как исследователя, автора и редактора. Для меня это было не только школой научного редактирования и перевода философских текстов, он также заставил меня всерьез задуматься о том, что такое подлинное философствование. Не менее заразительными оказались его преданность своему делу и его профессионализм.

Моя первая книга, отчасти выполненная на материале кандидатской диссертации, вышла в 1990 г.,⁷ а в мае 1993 г. я защитила докторскую⁸, став самым молодым в стране (тогда еще СССР) доктором философских наук. Многие интересуются, как мне удалось так быстро написать докторскую, да к тому же по абсолютно новой теме, и не только для меня лично, но и в смысле общей динамики развития гегелеведческих исследований. Во многом такой «рывок» стал возможным благодаря моей стажировке в Германии (тогда еще ФРГ) в качестве стипендиата Фонда Александра фон Гумбольдта⁹.

Расскажите, пожалуйста, что означало для Вас стать Гумбольдтовским стипендиатом?

⁷ Быкова М.Ф. Гегелевское понимание мышления. М., 1990.

⁸ Быкова М.Ф. Место и смысл феноменологии и логики в философии Гегеля. Дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1993.

⁹ О Фонде А. фон Гумбольдта и его программах см.: <https://www.humboldt-foundation.de/bewerben/foerderprogramme/humboldt-forschungsstipendium>

Я решилась подаваться на стипендию Фонда при поддержке Н.В. Мотрошиловой. К тому времени меня уже приняли на работу в сектор западной философии Института философии АН сначала (1986–1987) старшим лаборантом (да, уже будучи кандидатом наук, я начинала свою работу в Институте в качестве секретаря сектора истории западной философии), а с конца 1987 г. я была младшим научным сотрудником. О существовании Фонда, а также о возможности получения стипендии (Humboldt-Forschungsstipendium), я узнала из рассылки, которая пришла в сектор. Естественно, меня эта возможность заинтересовала, – тем более, что речь шла о Германии, философией которой я уже какое-то время активно занималась. Однако одним из требований Фонда было наличие приглашения для стажировки (гумбольдтовские стипендии рассматриваются в качестве пост-докторской стажировки) от немецкого профессора из одного из университетов Германии. При этом предполагалось, что аппликант должен идентифицировать профессора по тематике своего собственного проекта, по которому он намерен работать в Германии. Иными словами, мне нужен был немецкий гегелевед, который был бы готов опекал меня во время моей научной работы в Германии – конечно, в случае если мне удастся получить стипендию, конкурс на которую был и остается весьма высоким. К тому времени я уже заинтересовалась темой субъекта и субъективности у Гегеля и отчасти была знакома с некоторыми немецкими работами по данной проблематике.

Одной из ключевых фигур, работавших в данном поле, был (и остается) немецкий историк философии Клаус Дюзинг (Klaus Düsing), являющийся одним из лучших мировых специалистов по Гегелю. Когда я упомянула стипендию Фонда Гумбольдта и имя Дюзинга в разговоре с Н.В. Мотрошиловой, она не просто поддержала идею моей заявки, но также вызвалась отрекомендовать меня Дюзингу, с которым, как оказалось, была знакома по совместным конференциям. Буквально на следующий день она написала Дюзингу письмо, и вскоре я получила от него столь желанное приглашение. Более того, он вызвался прочитать и откомментировать написанный мною набросок проекта, что оказало мне бесценную помощь. Ибо моя заявка на стипендию Фонда А. фон Гумбольдта была первой в моей жизни заявкой на грант, к тому же зарубежный. В то время в нашей стране только единицы имели хотя бы какой-то опыт подачи и получения зарубежных стипендий, а в ИФАНе я была и вовсе первопроходцем.

Моя заявка оказалась успешной, и в 1988 г. я отправилась на стажировку в качестве стипендиата Фонда А. фон Гумбольдта в Кёльн-

ский университет, где я в целом провела год, с коротким интервалом, когда возвращалась на несколько месяцев в Москву. Кроме того, я также получила Европейскую стипендию, которая позволила мне в 1989 г. провести два месяца в университете Цюриха (Швейцария), где я работала под руководством Ганса Брауна (Hans J. Braun) над проектом, посвященном проблематике субъекта и субъективности у Л. Фейербаха.

Формирующее значение моего пребывания в Кельне и Цюрихе трудно переоценить и сегодня, несколько десятилетий спустя. Оглядываясь назад, не могу не признать, что это дало замечательный старт моей карьере в качестве историка философии и исследователя Гегеля и немецкого идеализма. Научная стажировка за границей, и особенно в Германии, позволила мне не только наработать массу интересного материала, но и значительно улучшить мой немецкий. Так что под конец моего пребывания я уже могла довольно свободно писать на языке, что позволило мне сделать ряд докладов на специализированных конференциях и опубликовать несколько статей в немецкоязычных журналах и книгах. Все это дало существенный толчок в моем научном развитии, позволив нащупать и сформулировать перспективные темы исследования, а также апробировать новые интерпретации гегелевских концепций и философии в целом.

Многими темами, которые мне удалось определить для себя в качестве перспективных, я продолжаю заниматься и сегодня. Среди них проблематика субъекта и субъективности у Гегеля и в немецком идеализме в целом, разработка понятия и концепции *Bildung* в немецкой философии конца XVIII – середины XIX вв. и др. Работа в Германии, а также активное сотрудничество с немецкими коллегами (как во время стажировки в качестве стипендиата Фонда А. фон Гумбольдта, так и позже в качестве приглашенного исследователя) привели к пониманию и дали возможность разобраться в философской значимости раннего немецкого романтизма, с которым до этого я была знакома лишь понаслышке. После этого я вновь и вновь возвращалась к изучению романтизма, что позволило лучше понять как проект немецкого идеализма, так и философское содержание того сильнейшего интеллектуального и культурного подъема, который переживала Германия в ту эпоху.

С годами мои профессиональные и научные связи с Германией только развивались и укреплялись, и даже сейчас, когда я живу и работаю в США, я много времени провожу в Германии: меня часто приглашают в Германию с докладами, на конференции, а также и для

более длительного пребывания в качестве приглашенного профессора и исследователя. Я тут недавно в шутку посчитала, и выяснилось, что за все эти годы в сумме я провела в Германии более пяти лет. Если сюда прибавить три года, проведенные в Австрии (по приглашению Австрийской Академии наук, а также университета Вены) и несколько месяцев в Швейцарии, то получится весьма значительный период. И нужно признать, что хотя я (к сожалению) отчасти утратила тот уровень свободного владения немецким языком, который у меня был в 1990-е (когда меня часто принимали за носителя языка), чтение немецкоязычной философской литературы и участие в немецкоязычных дискуссиях – как личное, так и дистанционное – остается частью моей профессиональной рутины. И в способности работать на немецком языке я вижу большое преимущество и пользу.

Как Вы оцениваете Ваш переезд в США, какие профессиональные преимущества и трудности Вы связываете с этим этапом Вашей жизни?

В январе 2000 г. я получила профессуру в Университете Северной Каролины в США, где мне пришлось вновь пройти весь путь по ступеням академической иерархии, начиная с самой младшей (вначале контрактной) профессорской должности (Assistant Professor) и заканчивая – после ряда серьезных апробаций и внутренних и внешних аттестаций¹⁰ – полной профессурой, ассоциируемой со званием ординарного профессора (Full Professor). Правда в моем случае этот путь, который обычно занимает не менее двенадцати лет, был пройден за пять. Помогли мои многочисленные публикации, а также серьезная поддержка коллег (как европейских, так и американских), которые, будучи знакомы с моими работами, давали мне на всех этапах превосходные рекомендации¹¹.

Как говорят мои американские коллеги и друзья, мне удалось в жизни сделать две профессиональные карьеры – вначале в России, а потом в США. Признаюсь, вначале было очень трудно. И не только из-за языкового барьера (до этого мне никогда не приходилось преподавать на английском), но, прежде всего, из-за существенных раз-

¹⁰ Я имею в виду получение tenure и повышение в академических рангах, не имеющее аналога в России.

¹¹ Внешние отзывы и рекомендации являются важнейшей составляющей американской системы продвижения по ступеням академической иерархии. Они официально запрашиваются аттестационными комитетами факультетов и университетов. При этом список отзывистов составляется без обязательного согласования с кандидатом.

личий как в ментальности людей, так и в традициях академии и академической работы. Все американское было вначале непривычно и чуждо. Хотя мне всегда было интересно открывать для себя и познавать что-то новое. Сегодня, с высоты моего более чем двадцатилетнего стажа работы в американском университете, могу признаться, что, несмотря на трудности, опыт был очень полезным как в профессиональном, так и в личном плане. Американская академия¹² существенно отличается как от европейской, так и от российской – и по учебной нагрузке профессора, и по поддержке со стороны различных университетских структур, и по требованиям к научной работе. В США от университетского ординариуса ожидается высокая научная продуктивность и широкое национальное и международное признание, выражающееся не только в публикациях в ведущих издательствах, но и в руководстве профессиональными журналами и в представительстве в различных научных организациях. В американской академии существует немислимо жесткая конкуренция, здесь непросто быть успешным. Работать приходится много, напряженно и постоянно, но это держит в форме, заставляет критически смотреть на свои собственные результаты и все время расти и совершенствоваться.

Моя деятельность в качестве главного редактора двух журналов этому очень помогает. Ибо приходится иметь дело с новыми темами, интересными подходами к старым идеям и проблемам, да и просто общаться с яркими и творческими людьми, работающими в различных областях философского и, более широко, гуманитарного знания в целом. Редакторская работа также позволяет поддерживать и развивать творческие отношения с российской философской мыслью. Особое место здесь принадлежит Институту философии РАН, с которым я продолжаю активное научное сотрудничество и который непрерывно считаю своим профессиональным домом. И не только потому, что отсюда начался мой путь в профессии. Всякий раз, возвращаясь в Институт и участвуя в институтских мероприятиях я заряжаюсь

¹² Слово «академия» (*academia*) в американском лексиконе означает систему высшего (главным образом, университетского) образования. Хотя в США и существуют разного рода Академии, в том числе Американская академия искусств и наук (*American Academy of Arts and Sciences*), они являются чисто общественными, чаще профессиональными, союзами и организациями, а вовсе не какими-либо институтизированными структурами. Членство в подобных Академиях очень почетно и решается на основе прямого и единогласного (!) голосования всех ныне действующих членов, но оно рассматривается как знак признания определенных заслуг и достижений того или иного индивида в его профессии.

немыслимой энергией. Здесь все живут философией и эта особенная атмосфера притягивает, завораживает, но одновременно придает стимул в работе и в жизни. Годы, проведенные в Институте, общение с институтскими коллегами вызывают у меня самые теплые чувства и воспоминания. Даже находясь за океаном я ощущаю какую-то невидимую, живую связь с моими институтскими друзьями, не угасающую, а, наоборот, только усиливающуюся с годами. Надеюсь, что это чувство связи взаимно и что впереди нас ждет еще много ярких совместных проектов.

Марина Федоровна, Вы уже много лет являетесь профессором университета Северной Каролины, хорошо знаете научную жизнь Германии. Могли бы Вы охарактеризовать различия в организации философских исследований в США, Германии и России сегодня? В чем Вы видите плюсы и минусы философского образования в каждой из этих трех стран? Как организованы в каждой из этих стран историко-философские исследования?

Это огромный вопрос, и, конечно, очень интересный для меня. Начну с различия в системах и парадигмах образования. А потом остановлюсь на специфике философского образования, и в первую очередь, в США. Ибо два последних десятилетия я преподаю в США, и не только американский подход к образованию мне известен, что называется, изнутри, но образование студентов также во многом является основной определяющей моей нынешней деятельности в качестве преподавателя и профессора философии.

Разговор о различиях в европейской, российской и американской системах образования, наверное, следует начать с краткого исторического экскурса и, прежде всего, поговорить об истории развития университета как формального института высшего образования.

История становления европейского университета как центра высшей школы тесно связана с университетом Болоньи (Италия). Датой его основания обычно называют 1088 г., когда был организован и начал свою работу Болонский факультет римского права. Данная институция принципиально отличалась от всех подобных образовательных структур, возникших в период средневековья. Во-первых, она была основана гильдией студентов (*universitas scholarium*), а не каким-либо государственным указом, и, во-вторых, в отличие, скажем от Парижского университета, во главу угла ставилось изучение римского права, а не богословия, что в эпоху средневековья являлось основополагающим предметом коем надлежало учить. В Болонском

университете студенты самостоятельно выбирали не только ректора и (ученый) совет, но и приглашали профессоров (*doctores legentes*), в чьи обязанности входило чтение лекций и проведение дискуссий со студентами. Благодаря репутации своих профессоров Болонья рассматривалась в качестве центра римского права: по общему признанию, только здесь можно было приобрести глубокое знание римских законов и принципов. Поэтому отнюдь не случайно университет привлекал талантливую молодежь со всей Европы. Уже позже возникли первые Британские университеты – славные Оксфорд (1096 г.) и Кембридж (1209 г.), а также Парижский университет, ныне известный как Сорбонна, который открыл свои двери в 1215 г. (хотя сам богословский колледж, основанный Робером де Сарбон – откуда и пошло название университета – начал работу только в 1257).

В Германской империи университеты начали открываться только в XIV в., и первым из них был Пражский университет, основанный в 1348 г. Однако, расцвет немецких университетов связан с эпохой позднего Просвещения, которое дало образованию и науке новые импульсы. В этот исторический период также изменяются социальные запросы общества относительно образования его членов – как в аспекте их обучения науке и ремеслу, так и в аспекте формирования личности. Столь существенный сдвиг в образовательной ориентации общества связан, прежде всего, с немецкой традицией *Bildung*, в контексте и под влиянием которой, собственно, и происходило реформирование образования в Германии XIX в.

Именно данная традиция во многом определила модель современного университета, и, прежде всего, в Европе. Целью *Bildung* является формирование разносторонней личности, и эта цель оказывается зафиксированной в задачах так называемого «общего» образования, идеалы которого впервые были сформулированы и реализованы в радикальной реформе системы образования, предпринятой в Пруссии в начале XIX в. Идеологом и активным проводником реформы выступил Вильгельм фон Гумбольдт, известный немецкий лингвист, философ и государственный деятель, автор теории «формирования человека» (*Bildung des Menschen*)¹³.

Цель «общего» образования – воспитание всесторонне образованного и ориентирующегося в культуре человека, который владеет основной базой знаний, необходимых для жизни в современном мире. Речь идет о формировании свободной и самоопределяющейся лично-

¹³ См.: *Humboldt W. von. Theorie der Bildung des Menschen // Humboldt W. von. Gesammelte Schriften. Bd. I. S. 282–287. Berlin, 1903.*

сти, способной к самостоятельному, спонтанному мышлению. Идеалы именно такого типа образования и были положены в основу проекта нового университета, созданного в 1809 г. по инициативе В. фон Гумбольдта в Берлине (ныне это Гумбольдтовский университет). Отличительной особенностью гумбольдского проекта университета также стал принцип объединения образования и науки, соединение собственно научно-исследовательской деятельности с педагогической. Университет теперь не ограничивался лишь функцией передачи знания, но также наделялся задачей его генерирования. Именно такая модель *исследовательского* университета и получила распространение во 2-й пол. XIX – нач. XX в. сначала в Европе, а потом и в США. Первым американским университетом, в основу которого была положена данная (research university) модель стал – ныне всемирно известный своими исследованиями в области медицины – Университет Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University), основанный в 1876 г. Та же гумбольдтовская модель университета стала основой для традиционной европейской системы образования, которая работала в СССР и в значительной степени все еще сохраняется в России¹⁴.

Традиционная европейская и российская модель университетского образования в целом направлена на формирование человека, который знает «понемногу обо всем». Для изучения предлагается широкий круг курсов и предметов по различным – как естественнонаучным, так и гуманитарным – дисциплинам, способствующим разностороннему развитию индивида. Данная модель университета, как правило, отводит важную роль гуманитарным дисциплинам и, прежде всего, философии, которой придается важная мировоззренческая функция в формировании широкообразованной личности.

Американская система образования в целом более прагматична. Она нацелена на максимальный жизненный и профессиональный успех человека. Поэтому ее задача в подготовке не столько широко об-

¹⁴ Когда я веду речь о «традиционном» европейском или российском университете, то я, прежде всего, имею в виду классический европейский университет, типа Гумбольдского в Берлине, Сорбонны в Париже, или МГУ в Москве. При этом я отдаю себе отчет в том, что в нынешней Европе, а также в России возникла масса так называемых «профильных» университетов, например технических или инженерных, медицинских, экономических и юридических. В большинстве своем они готовят специалистов определенного профиля, и в этом смысле, не подпадают под понятие классического университета, который по определению нацелен на своеобразную «унификацию» образования и более широкое и систематическое обучение не только специальности, но и более широкому («общему») знанию.

разованного интеллектуала, сколько высокоспециализированного профессионала, способного работать самостоятельно, и в соответствии с постоянно изменяющимися мировыми стандартами. Конечно, прагматический подход отнюдь не всегда создает более благоприятные возможности для гуманитарного образования, создавая явный перевес в интересах студентов в сторону естественно-научных и технических дисциплин (то, что в США именуется STEM: Science, Technology, Engineering, and Mathematics). Однако, надо признать, что такой утилитарный (прагматический) подход к образованию способствуют более глубокому освоению избранной специализации. Кроме того, даже если говорить с точки зрения организации образования, то его прагматические установки также накладывают чаще позитивный отпечаток на отношение к обучению самих студентов. Они перестают быть лишь пассивными субъектами образовательного процесса, просто *обучаемыми*, а становятся *обучающимися*, выступая в качестве активного начала и заинтересованных со-участников процесса обучения. Конечно, это отнюдь не означает, что такая система образования гарантирует успех всех и каждого. Многое зависит от самого студента, его инициативности, мотивации, наконец, его зрелости и способности принимать правильные решения, но система образования создает для него возможность получить соответствующее образование с тем, чтобы преуспеть в жизни. Такая связь образования с жизнью во многом отсутствует в традиционном европейском и российском университете. В Европе из традиционных университетов выходят интеллектуалы (как часто шутят, «эстеты и философы»), в США – специалисты. В США получение образования не есть часть духовного самосознания человека; скорее, это вещь сугубо практическая и утилитарная.

Однако было бы неверно считать, что в США отсутствует гуманитарное образование и что эрудиция и культурная образованность никоим образом не приветствуется. Дело в том, что в США развита так называемая система «либерального образования» (*liberal education*) или образования по модели свободных искусств и наук (*liberal art and science education*)¹⁵, истоки которой лежат в античности и связаны с идеалами *paideia*. Если коротко, то ценностная парадигма *paideia* в расширительном значении данного термина предстает как образец «окультуривания» человека в смысле его погружения в культуру, выработанную человечеством на протяжении всей истории сво-

¹⁵ Насколько мне известно, эта модель сейчас получает широкое распространение и активно внедряется в Центральной и Восточной Европе.

его существования. Речь, конечно, не идет об обучении человека всем без исключения достижениям накопленной веками человеческой культуры. Цели *paideia* как образовательной модели – в универсальном, идеально-гармоничном развитии личности.

Являющееся исторически чисто европейским продуктом, модель либерального образования (*liberal arts education*) получила широкое распространение в США в XX в. Сегодня это целостная академическая практика, которая активно используется во многих колледжах, дающих степень бакалавра. Одновременно ряд ведущих американских исследовательских университетов (те, которые объединяют преподавание и исследовательскую работу) хотя бы отчасти адаптировали и применяют данную практику в своих учебных программах для бакалавров. Таковую систему отличает гибкий план обучения, совмещающий широту дисциплинарного охвата с глубиной изучения предмета, поощряющий междисциплинарность и предоставляющий студентам максимально возможную свободу выбора.

Для нашего читателя, по-видимому, необходимо пояснить, что такое колледж (*college*) в американской системе образования. В отличие от российской системы образования, где колледж является учреждением среднего профессионального образования, в американской системе колледж – это четырехлетнее учебное заведение, соответствующее уровню *высшей* школы и дающее диплом бакалавра. В образовательной системе США колледж может либо входить в состав университетов либо является автономным учреждением, ассоциируемым с бакалавриатом. Например, во всемирно известном Гарвардском университете имеется Гарвардский колледж, по окончании которого студенту присваивается академическая степень бакалавра. Подобные колледжи имеются и в других американских университетах. Однако университеты ведут обучение студентов и на более продвинутом уровне, чем лишь бакалавр, также готовя магистров (*Master's degree*) и докторов наук (*Ph.D. – Doctor of Philosophy*). Среди самых известных автономных американских колледжей такие, как Уильямс (*Williams College*), Сварсмор (*Swarthmore College*), Амхерст (*Amherst College*) и другие. Все колледжи – четырехлетние (чаще частные) учебные заведения, которые выпускают исключительно бакалавров.

Многие студенты получают бакалавра по философии в подобных колледжах, а потом поступают в магистратуру и аспирантуру в исследовательские университеты. Как правило, они лучше подготовлены для серьезной философской работы и многие из них по окончании аспирантуры получают работу в академии (высших учебных заведе-

ниях). Но есть и те, кто сразу поступают в исследовательские университеты, где они вначале получают степень бакалавра, а затем уже продолжают свое обучение в магистратуре и аспирантуре.

Университет, в котором я работаю, является исследовательским университетом, но образование бакалавров у нас также построено по модели свободных искусств и наук. В практическом смысле это означает, что студенты-бакалавры всех специальностей берут курсы по гуманитарным дисциплинам, включая философию. Но одновременно у нас имеется и специальная программа по философии, где мы готовим студентов по различным философским специальностям (включая общую философию, философию права, логику и методологию науки, этику и т.д.). В США считается, что бакалавриат по философии создает хорошую базу для поступления в школы права (Law School(s)), профессиональные учебные заведения которые готовят юристов, адвокатов и других представителей юридической профессии¹⁶. И действительно, многие из наших выпускников-бакалавров успешно поступают в школы права, и только некоторые идут в философскую магистратуру и аспирантуру.

Особенностью подготовки аспирантов в США – как по философии, так и по другим специальностям – является то, что они рассматриваются в качестве студентов (graduate students) и поэтому, наряду с проведением научной работы, должны также брать классы, участвовать в семинарах, сдавать экзамены и писать курсовые работы¹⁷. При

¹⁶ В отличие от России, где поступить на юридический факультет можно сразу после окончания школы, в США юриспруденция рассматривается как профессиональная (академическая) степень (J.D. – Juris Doctor). Поэтому в США учеба в университете в области юриспруденции начинается с четырехгодичного образования в бакалавриате, как правило, по другой специальности. Подобная ситуация существует и с медицинским образованием. Получение диплома по данной специальности также сопряжено с присвоением академической степени (MD – Doctor of Medicine), что требует значительного времени, продлевая обучение на 4-5 лет уже после получения степени бакалавра.

¹⁷ Это существенно отличается, например, от немецкой системы подготовки докторантов, которые не берут никаких учебных курсов. Более того, сразу же после зачисления в докторскую программу они рассматриваются в качестве сотрудников кафедр (wissenschaftliche Mitarbeiter), где, помимо их собственной научной работы и написания диссертации, на них возлагают какие-либо обязанности, не всегда соответствующие их специальности и подготовке. Например, ряд моих немецких коллег во время работы над диссертациями также должны были заниматься интернет-сайтами для различных программ или поддерживать работу компьютерного оборудования на кафедре или даже на целом факультете. Насколько оптимальной является данная практика судить трудно. Однако ясно, что будучи весьма отдаленно связанной со специально-

этом речь идет не только о курсах по их узкой специальности или тех, которые необходимы для подготовки к кандидатскому минимуму. Каждый факультет определяет количество и минимальный набор курсов по более широким дисциплинам, которые обязаны взять аспиранты, зачисленные в данную программу. Студенты также имеют возможность брать курсы по специальностям, которые представляются им полезными для их научной работы. Таким образом, поступившие в аспирантуру продолжают свое обучение. Одновременно они оказываются вовлеченными в учебный процесс в качестве ассистентов преподавателей (Teaching Assistant), которые в первые семестры помогают с проверкой домашних заданий и курсовых работ, а позже и сами могут вести семинары и даже лекции для студентов-бакалавров. Такая практика, как мне представляется, успешно готовит будущих выпускников к карьере в академии, давая им опыт преподавания и общения со студентами. Кроме того, поощряется участие аспирантов в проектах их руководителей. Правда, в отличие от естественных и технических наук, в философии (особенно ее традиционных областях) выходит очень мало совместных публикаций. И эта практика сохраняется в России, Европе и США.

В американских университетах очень приветствуется самостоятельность и инициатива студентов. Поэтому многие аспиранты оказываются вовлеченными в работу профессиональных философских организаций, в подготовку и участие в научных семинарах и конференциях, как в региональных, так и в национальных. Более того, считается, что для успешной будущей карьеры, и прежде всего, для получения работы в академии, философы-аспиранты должны участвовать с докладами на национальных философских конференциях, пробиться на которые весьма трудно. Ибо доклады на американские научные конференции тщательно рецензируются и отбираются, и отбор докладов (как, впрочем, любой конкурс внутри американской академии) чрезвычайно жесткий. Пробиться с докладом на конференцию непросто для профессора, а для аспиранта тем более. Но у меня были и есть студенты, которым это удавалось. Хотя с ними приходится очень много работать – с тем, чтобы подготовить достойный текст, а требования к философским выступлениям и публикациям в США очень высокие. По своему собственному опыту могу сказать, что данные требования часто значительно выше, чем в Европе или

стью докторанта, данная «профессиональная» нагрузка мало способствует развитию молодого специалиста, а также отнюдь не увеличивает его шансы на дальнейшее получение им работы по специальности.

России. И дело не в том, что европейские или российские философские конференции или издания предъявляют заниженные требования или уровень философии здесь значительно ниже. Отнюдь нет; скорее речь идет об иной культуре философской аргументации, что связано с существующим различием между так называемыми континентальной и аналитической традициями в философии.

Данное размежевание произошло в середине XX в. и само по себе является большой и серьезной темой, требующей специального рассмотрения. Но если попытаться коротко обозначить существо дела, то я бы сказала так. Речь идет о противопоставлении философских традиций Старого и Нового света, континентальной Европы, с одной стороны, и Америки (а также Британии), с другой. Первая ассоциируется, в основном, с философией, сформировавшейся в Германии и Франции в XIX–XX вв. А вторая – с англо-американской философией XX–XXI вв. Началом первой, как правило, считается немецкий идеализм, в особенности Гегель. А ее содержание составляет все последующее развитие философской мысли в Германии, включая Ницше, Гуссерля, Хайдеггера, а также те многочисленные философские школы и направления, которые получили развитие в немецкой и французской философских традициях после Первой и Второй мировых войн, в том числе герменевтика, экзистенциализм, французский постструктурализм и многое другое. Разумеется, список данным перечнем не исчерпывается.

Парадоксальным образом, англо-американская аналитическая традиция также началась на континенте, беря свое начало с континентального мыслителя Витгенштейна и со сформировавшегося на континенте Венского кружка, занимающегося проблемами логического анализа науки. Однако подлинный расцвет она пережила в Англии и США и связана с именами А. Уайтхеда, Б. Рассела, Дж. Э. Мура, Дж. Л. Остина, У. ван О. Куайна, Ф. Дрецке, С. А. Крипке, а также Д. Дэвидсона, Дж. Сёрла, П. Ф. Стросона, Дж. Селларса и многих других. Сегодня аналитическая философия является доминирующим направлением философской мысли в англоязычной интеллектуальной традиции, занимающая ведущие позиции не только в Великобритании и США, но и в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, а также в странах Скандинавии и Нидерландах. Кстати, в последние десятилетия аналитический подход постепенно распространяется и в Европе, включая такие страны как Италия, Испания, Португалия, Польша, а также и традиционно континентальные Германию и Францию.

Континентальная философия с самого начала была укоренена в культуре, а также в политических, эстетических, религиозных и иных взглядах и часто трудно уловимых идейных настроениях, важных исторических и социальных контекстах той страны, откуда она происходила. Ей также не были чужды общегуманитарные установки и морально-ценностные переживания. В то же время англо-американская мысль в целом развивалась по пути формализации и сознательного выхолащивания этой культурной укорененности. Ибо, по мнению аналитиков, философия должна представлять собой некое универсальное знание, развивающееся по четко сформулированным научным принципам, не зависящим ни от культурной традиции, ни от каких-то специфических норм или локальных факторов, а ориентирующимся исключительно на идеалы логической строгости, ясности и точности. Понятно, что такие установки формируют определенный стиль философского мышления, который напрочь отвергает метафоричность и поэтичность в философских текстах, часто присутствующих у континентальных авторов. Вместо этого данный стиль требует проведения строгого логического анализа, настаивает на точности используемой терминологии, а также демонстрирует сдержанное отношение к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям. Сам процесс аргументации, который часто сводится к формально-логической практике, становится для философа-аналитика наиважнейшей задачей.

Конечно, в стремлении к четкому и ясному изложению материала нет ничего плохого. Да и, как известно, сам Кант, а вслед за ним и немецкие идеалисты, ратовали за развитие философии в соответствии со строгими принципами науки. Однако в аналитической философской традиции сциентизация философии порой возведена в абсолют, что, конечно, не способствует всестороннему развитию философского знания, выхолащивая такие ее важные измерения как укорененность в традиции, исторический и культурологический анализ, ценностные установки, не говоря уже о текстологической и герменевтической работе с философскими источниками.

Поэтому не удивительно, что аналитическая философская парадигма особенно негативно сказывается на исследованиях по истории философии. Аналитической философии всегда было чуждо историческое вопрошание, историческое измерение. Аналитики не скрывают своего негативного отношения к историко-философским темам. И не только потому, что проблемы интерпретации или перевода для них всегда были второстепенными по сравнению с вопросами системати-

ческими и теоретическими. Они, кроме того, считают что философия должна заниматься насущными проблемами, а не отвлекаться на то, что как относящееся к «старине глубокой» если и имеет ценность, то не более чем реликтовый музейный экспонат, коим можно любоваться как некоей диковиной, но кое вряд ли имеет какое-либо реальное значение для нас сегодняшних.

Было бы, конечно, неверно считать, что в США не занимаются историей философии или что историко-философская проблематика отсутствует среди современных направлений американских философских исследований. Но в рамках аналитической традиции история философии развивается скорее вопреки, нежели благодаря существующим условиям. Хотя в США существует ряд известных философских научных центров, которые работают в континентальной традиции, специализируясь на немецкой или французской философии XIX–XX вв. (например, Нью-Йоркский Университет Стони-Брук (SUNY Stony Brook), Университет Эмори в Атланте (Emory University), Северо-Западный университет недалеко от Чикаго (Northwestern University) и другие).

Так что как в аспекте философского образования, так и с точки зрения исследовательской работы, США во многом является страной возможностей. Ни государство, ни общество, никакие общественные структуры в этом не помощники. Все полностью зависит от инициативы, целеустремленности и работоспособности самих людей. И это делает как личную, так и профессиональную жизнь в Америке сложной, но одновременно и привлекательной и осмысленной.

Вы главный редактор двух высокорейтинговых философских журналов США и член редколлегий ряда российских философских периодических изданий, в чем Вы видите сходство и различия в организации философской периодики в России, США и Германии. Каким, на Ваш взгляд, должен быть идеальный философский журнал?

Два журнала, которые я возглавляю, разнятся как по своим целям и задачам, так и по форме представления материала. В принципе, речь идет о различных моделях.

«Russian Studies in Philosophy» – это журнал переводов с русского на английский. Журнал был создан в 1962 г., на пике холодной войны, и вплоть до 1991 г. он издавался под названием «Soviet Studies in Philosophy». Изначальная цель журнала состояла в том, чтобы знакомить западного (в основном англоязычного) читателя с философской жизнью в СССР. При этом прогрессивные западные философы, инте-

ресующиеся Россией, были уверены, что, несмотря на господство ортодоксального марксизма, в Советском Союзе не перестает существовать и другая – творческая – философская мысль, которая, собственно, и нашла свое отражение на страницах журнала. После распада СССР журнал был переименован и с 1992 г. стал выходить под названием «Russian Studies in Philosophy».

В разное время журналом руководили известные американские философы, занимающиеся исследованиями русской мысли, такие как Джордж Клайн (George L. Kline), Джеймс Скэнлан (James P. Scanlan) и другие. Я стала главным редактором этого журнала в январе 2008 г. За то время, которое я возглавляю журнал, мы перешли от выпуска четырех номеров в год к шести. Мне удалось несколько изменить как саму тематику журнала, так и подход к отбору материала. До 2008 г. в журнале печатались исключительно переводы статей, уже опубликованных в советских или российских философских изданиях, в основном в «Вопросах философии», «Философских науках» и «Вестнике МГУ». Кроме того, сама тематика журнала сводилась, главным образом, к “*studies in Russian philosophy*”, т.е. исследованиям по русской философии, которая ассоциировалась с философией второй половины XIX – начала XX вв. Мне показался такой подход весьма ограниченным. Поэтому мы начали принимать и переводить оригинальные и ранее нигде неопубликованные статьи. Также “*Russian studies*” стали трактоваться значительно шире, теперь включая не только работы по русской до-революционной и после-революционной мысли, но также российские исследования по многообразным философским темам и в различных областях философского творчества.

Сегодня мы издаем тематические выпуски, включающие подборки статей по определенной проблематике; доклады с научных конференций; статьи, выполненные в рамках российских и международных исследовательских проектов; переводы а также тексты из ведущих русскоязычных изданий по философии (в том числе книг). Тематический охват весьма широк и включает важные философские топики, темы по истории философии, как европейской, так и российской, в т.ч. архивные материалы из истории развития философских направлений, институтов, школ, а также жизни и деятельности отдельных мыслителей прошлого и настоящего. В 2012 г. мне удалось начать серию «Современные российские философы» (*Contemporary Russian Philosophers*), которая не только представляет нашим читателям тех, кто занимается философией в сегодняшней России, но и знакомит читателя с современным российским философским и культурным дис-

курсом и его отличием от дискурса западного.

Второй мой журнал – «*Studies in East European Thought*» – публикует оригинальные (ранее неопубликованные) статьи на английском языке. У этого журнала тоже очень интересная история. У истоков журнала стоял Юзеф Мария Бохеньский (Józef Maria Bocheński, 1902–1995), которого по праву считают основателем советологии. Поляк по происхождению, Бохеньский в 1920-х гг. изучал юриспруденцию во Львовском университете, затем экономику в польском Познани. В 1927 г. он вступил в Доминиканский орден и в 1934 г. получил учёную степень по теологии в Папском университете в Риме, где впоследствии продолжил образование, уже изучая логику. В 1931 г. он защитил диссертацию по философии во Фрибургском университете в Швейцарии, где с 1945 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1972 г., преподавал на кафедре философии XX века. Во Фрибурге в 1957 г. он организовал и возглавил Институт Восточной Европы¹⁸, на базе которого в середине 1960-х и был создан наш журнал, сначала под названием «*Studies in Soviet Thought*». При том же Институте издавалась и известная книжная серия «*Sovietica*», которая, в основном, была посвящена изучению оснований марксистской философии, но наряду с заслуживающими внимание чисто философскими работами также публиковала исследования по советологии. В течение первых лет существования журнала, он оставался локальным (институтским) изданием и только позже стал публиковаться в издательстве Kluwer, а с 2003 г. в Springer.

Коренные изменения в расстановке сил в мире в 1990-е гг. заставили задуматься о новом названии журнала, что было также связано и со сменой руководства журнала. В конце 1980-х стареющий Бохеньский передал журнал своему ученику и тогда еще молодому коллеге по Фрибургу Эдварду Свидерскому (Edward Swiderski), который возглавлял журнал в течении следующих 30 лет. При Свидерском журнал перестал быть советологическим, сохранив при этом философскую направленность и содержание. Одновременно тематическая география журнала расширилась и стала включать в себя не только Россию или страны бывшего СССР, но также и другие государства Восточной Европы.

¹⁸ Преемником Института, созданного Бохеньским является ныне функционирующий при Фрибургском университете Institut interfacultaire de l'Europe centrale et orientale (Interfaculty Institute for Central and Eastern Europe). См.: <https://www3.unifr.ch/iicee/fr/institut/profil.html>.

Мой первый номер журнала вышел в декабре 2018 г. (тогда я была еще приглашенным редактором), а с января 2019 г. я стала главным редактором «Studies in East European Thought» (SEET). С моим приходом в журнале произошли существенные изменения. Это было связано прежде всего с необходимостью переосмыслить цели и задачи журнала, а также его содержание. Кроме того, журнал полностью перешел на электронную систему подачи статей и была введена западная практика рецензирования подаваемых статей, что, в свою очередь, потребовало привлечения дополнительных сотрудников. Так что у меня теперь штат помощников, который включает троих научных редакторов, технического редактора, а также двух корректоров, помогающих вычитывать тексты.

В своем нынешнем облике SEET предоставляет форум для беспристрастного научного обсуждения философской мысли и интеллектуальной истории Восточной и Центральной Европы, России, а также постсоветских государств. SEET предлагает площадку для философского диалога в различных областях знаний. Хотя в основе своей SEET является философским журналом, мы также рассматриваем статьи, которые переступают традиционные междисциплинарные границы. Однако философская составляющая должна оставаться определяющей: будь то привлечение других дисциплин для ответа на традиционные философские вопросы или использование философской рефлексии для решения специфических дисциплинарных проблем. Журнал публикует оригинальные статьи исследователей, работающих в интересующих нас областях знания, без дискриминации по географическому или национальному происхождению. Единственным критерием публикации является качество поданной на рассмотрение статьи. Помимо оригинальных научных статей, SEET публикует переводы философских текстов, ранее не доступных на Западе, и рецензии на книги¹⁹. В SEET мы также публикуем специальные номера или секции в обычных номерах журнала, посвященные какой-то одной теме или проблеме.

Если говорить о различии между российскими и западными философскими журналами, то я вижу их как в организации журнального производства (от отбора статей до их публикации и распространения готовых номеров журнала), так и в тематике и направлении самих журналов. Западные философские журналы, как правило, более специализированы. Здесь трудно найти столь всеохватывающие по про-

¹⁹ Подробнее о журнале см.: <https://www.springer.com/journal/11212>.

блематике журналы, как, скажем, «Вопросы философии», «Философские науки» или «Философский журнал», в которых можно публиковать статьи по всем философским дисциплинам и по всем философским направлениям. Будучи более прагматичным, Запад предпочитает более узкоспециализированные журналы, которые посвящены либо конкретной области философского знания (история философии, метафизика, эпистемология, этика, философия образования, философия науки и т.д.), либо специфической философской проблематике, школе, направлению, персоналии, либо философской мысли в определенном географическом пространстве (подобно SEET) или в обозначенный исторический период.

Еще одно бросающееся в глаза отличие – это различный стиль статей. В западной философской периодике больше отдают предпочтение аналитическому, нежели дескриптивному (описательному) стилю. Ожидается, что каждая журнальная статья обладает существенной научной новизной и добавляет нечто новое к уже существующему знанию по предмету исследования. Даже историко-философские статьи должны быть проблемными и оригинальными. Кроме того, в России манера и язык изложения философских статей, публикуемых даже в самых уважаемых журналах, становится все более или более свободным и приближающимся к эссеистическому. На Западе, и особенно в англоязычном пространстве, ожидается, что журнальные статьи будут написаны в строго научном стиле. Это, несомненно, налагает определенные требования как на язык статьи, так и на ее структуру. В каком-то смысле данное требование связано с господством аналитической традиции, которая во главу угла ставит ясность, четкость и аргументированность изложения, но не только. Просто считается, что поскольку профессиональные журналы рассчитаны на специалистов, то уровень статьи должен быть соответствующим. Философские изложения для широкого читателя перемещены в популярные журналы, газеты и всякого рода еженедельники. Кроме того, имеется достаточное количество философских блогов и сайтов, где печатаются популярные философские тексты или выкладываются записи философских бесед, в которых важные философские проблемы обсуждаются на уровне, доступном для широкого зрителя и читателя.

Пожалуй, самым главным отличием является система рецензирования статей. На своем редакторском опыте я вижу, что наши российские авторы не привычны к столь серьезному (порой даже жесткому) рецензированию журнальных статей, который принят на Западе. И

чем выше уровень журнала, тем основательнее рецензирование статей. Конечно, к этому можно относиться по-разному, и как автор я сама неоднократно испытывала неприятные моменты, когда мои статьи либо отклонялись по итогам рецензирования, либо мне присылали отзывы, которые требовали серьезной переработки статьи. При этом не могу не признать, что после переработки статьи в ответ на высказанные рецензентами замечания, как правило, статья становится намного лучше и аргументация более отточенной и ясно выписанной. Кстати, наш читатель может быть удивлен, узнав, что и книги на Западе проходят через рецензирование уже на уровне издательства, и это относится как к индивидуальным монографиям, так и к коллективным трудам. Правда, книжное рецензирование несколько мягче, чем журнальное, и содержащаяся в отзывах критика более конструктивна по своему характеру. Рецензенты редко напрочь отвергают книгу; чаще речь идет о внесении изменений с целью улучшения рукописи.

Что я больше всего ценю в журналах – это возможность оперативно и лаконично откликнуться на какую-то животрепещущую проблему, важную дискуссию или событие. В книге это сделать значительно сложнее, поскольку процесс написания и публикации книги занимает годы. Более того, журнальные статьи могут быть значительно более спонтанными, полемическими и нацеленными на получение каких-то непосредственных результатов, нежели книги. И я бы хотела, чтобы в моих журналах было как можно больше интересных философских дискуссий, проблемных споров и полемических выступлений. Помню, когда я только начинала свою философскую деятельность на Западе, меня всегда восхищали философские журналы, которые публиковали полемические заметки, а также критические отклики на ранее опубликованные статьи и ответы авторов на эту критику. Для меня как для тогда еще молодого и неопытного читателя это стало хорошей школой не только в аргументации, но в развитии моего собственного мышления. Ибо представленная полемика позволяла мне самой спорить или соглашаться с той иной позицией, как бы самой участвуя в диалоге. И для меня идеал философского журнала – это нечто вроде приглашения к разговору, когда читатель вправе не согласиться с автором и высказать свою позицию. Я отдаю себе отчет в том, что такой диалог между автором и читателем бывает сложно организовать, но к этому нужно стремиться. Ибо понять и быть понятым – это не только основа человеческих взаимоотношений, но также и цель философской практики.

В последние годы Вы выпустили ряд коллективных трудов как редактор и издатель. Не могли бы Вы рассказать о новых книгах подробнее?

Действительно, за последние два года у меня вышло ряд книг, над которыми я работала несколько лет. Среди них мне особо хотелось бы выделить том по немецкому идеализму «German Idealism Reader: Ideas, Responses, and Legacy» («Немецкий идеализм: Идеи. Ответы. Наследие») ²⁰. Эта книга может использоваться в качестве учебного пособия для курсов по немецкому идеализму, а также по немецкой философии XIX в. Наряду с некоторыми первоисточниками и выдержками из наиболее значительных работ мыслителей данного периода, книга включает около 200 страниц моего собственного текста. Я уже давно размышляла над подобной книгой и рада, что мне удалось осуществить мой замысел. Цель книги состоит в том, чтобы показать период и философское направление немецкого идеализма в его сложной и многогранной динамике. Традиционный подход к немецкому идеализму как в нашей стране, так и за рубежом состоит в том, что данный этап в развитии философии рассматривается исключительно через призму учений великой четверки: Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Более того, существует прочно укорененный стереотип изображать развитие немецкой философской мысли этого периода в качестве одновекторного линейного процесса, идущего от Канта к Гегелю, когда превалирующей оказывается схема «прямой генеалогической преемственности» создаваемых философских систем, концепций и идей. Такое прочтение дает сильно искаженную картину происходящего в данный историко-философский период, предлагая весьма ограниченную трактовку духовно-интеллектуальной традиции немецкого идеализма. Оно не только сужает исторические рамки периода, но также обедняет его содержание и интеллектуальную значимость в контексте немецкой и мировой философии.

В действительности эпоха немецкого идеализма более насыщена и разнообразна, чем это традиционно представляют. Период немецкого идеализма часто ассоциируют с немецкой *классической* философией ²¹. И это не случайно, ибо данный этап в философском развитии

²⁰ *Bykova M.F.* (ed.). *German Idealism Reader: Ideas, Responses, and Legacy*. London; New York, 2020.

²¹ В советской философской литературе понятие немецкая классическая философия толковалось несколько расширенно и кроме философских теорий Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля включало также философское учение Фейербаха. Однако в целом это мало меняет ситуацию, о которой я веду речь.

Германии соизмерим с духовным расцветом Древней Греции, с *классическим* периодом зарождения и становления философской мысли. При этом употребление термина «классический» в данном контексте скорее указывает на значение и уровень выдающихся – сравнимых с античной классикой – философских результатов, полученных в данный период, при этом без какой-либо претензии на канонизацию. Подобно Золотому веку в истории Древней Греции, с 1770-х по 1840-е годы Германия переживала невиданный духовный и интеллектуальный подъем, который выражался в бурном развитии философских идей и эстетических теорий, росте литературной активности, включая не только публикацию романов и повестей, но также и всевозможных альманахов и литературных журналов. В это же время появляется много интересных академических и научных результатов. Сама атмосфера тогдашней Германии начинает напоминать постоянно бурлящий мыслью литературный и философский салон, в котором принимают участие не только литераторы, философы и ученые, но и политические деятели и чиновники, а также образованные бюргеры – немецкие граждане, интересующиеся вопросами философии, искусства, науки и политики. И с тем, чтобы адекватно понять и по достоинству оценить как саму эпоху, так и ее достижения, необходимо рассматривать ее во всей ее динамике и сложных переплетениях развивающейся мысли.

Мне недавно попала на глаза одна российская статья, автор которой, рассматривая понятие «немецкий идеализм», заявляет «о некоторой искусственности этого историко-философского конструкта»²². Конечно, является ошибочным представлять немецкий идеализм как нечто единое целое, некое монолитное историко-философское направление, характеризующееся полным совпадением целей, задач, идей и результатов, сформулированных и полученных в работах его основных участников. Серьезное заблуждение считать что, говоря об эпохе немецкого идеализма, мы якобы имеем дело с неким – в действительности несуществующим – единством, будь то общая философская теория, единая методологическая установка или объединяющая всех мыслителей данной эпохи сквозная проблематика и сходное толкование основных концепций и идей. Кстати, от этой позиции, господствующей в советской философии²³, и пока еще присутствующей

²² Золотухин В.В. Существовал ли немецкий идеализм: к вопросу об историко-философской периодизации // Философские науки. 2015 (5). С. 93.

²³ Такая позиция была во многом обусловлена периодизацией данного периода, выдвинутой Ф. Энгельсом в его работе «Людвиг Фейербах и конец классиче-

щей в ряде широко используемых в России вузовских учебниках по немецкой классической философии, во многом уже отказались ведущие исследователи данного периода как в нашей стране, так и за рубежом. Однако, неверно полагать, что немецкий идеализм есть искусственный «историко-философский конструкт». При внимательном анализе, нетрудно заметить, что абсолютное большинство философских теорий, разработанных в эпоху немецкой классики, – а они появлялись в тот период с небывалой частотой, иногда с интервалом в один-два года, – представляют собой различные формы философского идеализма. Этим объясняется тот факт, почему данный период – для упрощения, а также с целью отражения специфики его философского дискурса – именуется в западной литературе эпохой немецкого идеализма. Такое обозначение является не только оправданным, но и концептуально-верным как в аспекте отражения направления и содержания философских поисков в конкретный исторический период, так и с точки зрения философского развития в целом.

Другое дело, что ассоциирование немецкой философии данного периода с идеализмом вызывает ряд серьезных проблем, связанных, прежде всего, с укоренившимся в философской литературе негативным стереотипом в подходе к самому термину «идеализм», а также к его использованию для описания конкретных философских традиций и мыслителей. Его уничижительно-негативное истолкование и употребление без учета специфического исторического и интеллектуального контекста, ведут к значительным заблуждениям, неверным обобщениям или упрощениям, граничащим с ошибочными интерпретациями концептуального многообразия немецкой философии XIX в. в целом, и немецкого идеализма в частности.

Основная цель моего «German Idealism Reader» как раз и состоит в том, чтобы снять и разрешить многие недоумения и неверные прочтения немецкого идеализма, а также показать его философско-историческое значение как сложного и неоднообразного динамично развивающегося духовно-индивидуального образования. При этом я отказываюсь как от линейной схемы «прямой генеалогической преемственности» движения мысли от Канта к Гегелю, так и от узко фи-

ской немецкой философии» (1886), которая, кстати, послужила основанием для рассмотрения материалистического учения Фейербаха в качестве части данной традиции. Кроме того, существенную роль сыграла и работа Ричарда Кронера «От Канта к Гегелю» (1921), в которой предлагается последовательное и весьма доказательное изложение данной позиции; см.: *Kroner R. Von Kant bis Hegel. Bd. 1–2. Tübingen, 1921.*

лософского прочтения истории развития немецкой идеалистической мысли. Моя позиция состоит в том, что немецкий идеализм нельзя понять в отрыве от других интеллектуальных течений эпохи и, прежде всего, раннего немецкого романтизма с его уникальной философией, представленной в работах близкого друга Гегеля (еще со времен их совместного обучения в Тюбингене) Фридриха Гёльдерлина, а также братьев Фридриха и Августа Шлегелей, Фридриха Харденберга (известного как Новалис) и других. Для понимания развертывания после-кантовской философской мысли важны работы скептиков Готлоба Эрнста Шульце и Саломона Маймона, не говоря уже о философских изысканиях Карла Рейнхольда и Фридриха Якоби. Трудно переоценить влияние на развитие мысли данного периода философских трудов авторов «Бури и натиска», особенно таких литературных гигантов, как Иоганн Вольфганг Гёте и Фридрих Шиллер. Развитие немецкого идеализма немислимо без исторических работ Иоганна Готфрида Гердера, лингвистических исканий Вильгельма фон Гумбольдта, традиции герменевтической мысли, представленной Георгом Гаманом и Фридрихом Шлейермахером. Этот список можно продолжать очень долго. Ясно одно, что это небывалый по богатству мысли и новых идей период, и для его правильного понимания он должен рассматриваться во всей его многогранности и сложном переплетении философских поисков.

Поэтому в своей книге я попыталась представить немецкий идеализм в диалоге со своим временем и через многочисленные дискуссии, в которые оказались вовлеченными его основные представители. Конечно, всех уместить под одной обложкой книги в 450 страниц просто невозможно. Пришлось ограничиться только ключевыми фигурами и их основными работами, принципиально важными для понимания логики развития мысли в данный период и его центральных дебатов. Кроме этого удалось также хотя бы схематически, но определить самые важные направления критики немецкого идеализма, представив как традиционные персоналии (такие как Маркс и Фейербах), так и редко фигурирующих в данном контексте мыслителей (таких как Кьеркегор и Ницше).

Книгу я посвятила Нелли Васильевне Мотрошиловой, под чьим руководством, еще будучи аспиранткой, я впервые открыла для себя богатейшее интеллектуальное наследие немецкой философии и завораживающий своей глубиной мир гегелевской мысли. Ее энтузиазм и стремление к освоению новых идей не перестают вдохновлять меня и сегодня, через 35 лет после защиты кандидатской.

Позволю себе сказать еще несколько слов о двух других книгах, вышедших в этом году с интервалом в несколько месяцев. Это две коллективные монографии (обе – *Handbooks*): одна о Гегеле, а другая о Фихте, немецких мыслителях, которыми я активно занимаюсь²⁴. По своему замыслу, *Handbook* – тип научного издания, содержащий наиболее полную и актуальную информацию по предмету исследования. В данном случае речь идет о компендиуме современных и наиболее значимых по своим результатам научных исследований, соответственно по философии Фихте и философии Гегеля. Авторами статей являются международно признанные ученые, принадлежащие к числу наиболее интересно работающих в области современного фихтеведения и гегелеведения. Столь представительный состав авторов позволяет предложить читателю сборник работ, которые достаточно глубоко излагают и анализируют философские учения Фихте или Гегеля, и отражают современный их уровень. Обе книги являются первыми в своем роде *Handbooks*, которые наиболее полно и систематически представляют идеи философов, знакомя читателей с эволюцией их взглядов и их центральными темами. При этом в круг исследований вовлекаются как опубликованные, так и неопубликованные работы мыслителей, наряду с наиболее интересной гегелеведческой и фихтеведческой литературой по предмету. Надеюсь, что обе книги найдут своих благодарных читателей, и позволят им познакомиться, понять и по достоинству оценить заслуги и значение разработок немецких философов и их современных комментаторов.

Расскажите, пожалуйста, о своих ближайших творческих планах. Над какими проектами Вы сейчас работаете?

О моих планах говорить одновременно и легко и трудно. Легко, потому что нашей философской братии всегда хочется что-то сказать и всегда остается что-то недосказанное, какие-то непроговоренные идеи и непрописанные мысли. Поэтому думаю еще рано ставить точку в моей творческой биографии и надеюсь, что мне еще удастся сделать что-то новое и интересное. А трудно, поскольку планов много и их реализация требует времени, найти которое при нынешней быстротечности дней и плотном графике работы становится все сложнее. У меня уже есть подписанный контракт с Кембриджем (Cambridge University Press) на книгу о «Философии природы» Гегеля. Кроме того, уже много лет я вплотную занимаюсь проблематикой *Bildung* в

²⁴ Bykova M.F., Westphal K.R. (eds.). The Palgrave Hegel Handbook. Cham, Switzerland, 2020; Bykova M.F. (ed.). The Bloomsbury Handbook of Fichte. London, 2020.

немецкой философии XIX в. Опубликовала ряд отдельных статей о разработке данной темы у Канта, Фихте и Гегеля. Хочу сделать книгу, в которой показать эволюцию развития понятия *Bildung* в Германии конца XVIII – начала XIX вв., а также проанализировать чем концепция *Bildung* в немецком идеализме отличается от разработки той же концепции рядом представителей немецкого романтизма.

Есть у меня и некоторые обязательства (как я это сама для себя определяю) и перед российской философией. Собственно моя работа в качестве главного редактора журнала «*Russian Studies in Philosophy*» во многом мотивирована моим желанием сделать русскую и российскую философскую мысль услышанной на Западе, познакомить западного читателя с наиболее интересными результатами развития философии в России, как в предыдущие эпохи, так и в настоящее время. С некоторых пор меня всерьез интересует развитие философской мысли в стране в советский период, особенно в 1960–1980-годы. В 2019 г., совместно с Владиславом Александровичем Лекторским мы опубликовали в известном британском издательстве Bloomsbury коллективный труд по философской мысли в России во второй половине XX в.²⁵ Это первая книга такого рода на английском языке и, насколько я могу судить, она была принята англоязычным читателем с большим интересом. Думаю, что было бы хорошо развить этот успех и предложить западному читателю еще несколько подобных сборников, но уже по какой-то конкретной проблематике. Например, есть идея сделать коллективную монографию по проблеме сознания в отечественной философии советского периода, в которой можно будет представить не только уже ставшие широко популярными на Западе фигуры М.К. Мамардашвили и Э.В. Ильенков, но и менее там известные (или незаслуженно забытые) имена, такие как Ф.Т. Михайлов, А.М. Пятигорский, В.С. Библер, М.К. Петров, К. Мегрелидзе и другие. Думаю, может получиться замечательная и важная книга. Много и других замыслов, в том числе и индивидуальных. Так что «покой нам только снится».

И это очень здорово иметь возможность заниматься тем, что любишь, находить поддержку своим многочисленным проектам среди родных, друзей и коллег, иметь надежные тылы и испытать жизнь сполна. Единственное очень хочется, чтобы время не летело чересчур быстро...

²⁵ *Lektorsky V.A., Bykova M.F. (eds.). Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century. A Contemporary View from Russia and Abroad. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быкова М.Ф.* Проблема мышления в работе Гегеля “Философия духа”: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1985.
- Быкова М.Ф.* Понимание мышления в философии духа Гегеля // Вопросы философии. 1986. № 4. С. 117–128.
- Быкова М.Ф.* Гегелевское понимание мышления. М.: Наука, 1990.
- Быкова М.Ф.* Место и смысл феноменологии и логики в философии Гегеля. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1993.
- Золотухин В.В.* «Существовал ли немецкий идеализм: к вопросу об историко-философской периодизации» // Философские науки. 2015. (5). С. 80–93.
- Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972
- Кессиди Ф.Х.* Сократ. М.: Мысль, 1976.
- Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к "Науке логики". Формирование принципов системности и историзма. Москва: Наука, 1984.
- Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. / Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010. С. 195–200.
- Bykova M.F.* (ed.). *German Idealism Reader: Ideas, Responses, and Legacy.* London; New York: Bloomsbury Academic, 2020
- Bykova M.F.* (ed.). *The Bloomsbury Handbook of Fichte.* London: Bloomsbury Academic, 2020.
- Bykova M.F. and Westphal K.R.* (eds.). *The Palgrave Hegel Handbook.* Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020;
- Encyclopedia Britannica. A Dictionary of the Arts and Sciences and Literature and General Information. Eleventh Edition: In 29 Vols. Vol. 27. Huper, 1911.
- Humboldt W. von.* Theorie der Bildung des Menschen // *Gesammelte Schriften*, Bd. I, 282-287. Berlin: Reimar, 1903.
- Kroner R.* Von Kant bis Hegel. Bd. 1-2. Tübingen, 1921.
- Lektorsky V.A., Bykova M.F.* (eds.) *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century. A Contemporary View from Russia and Abroad.* London / New York: Bloomsbury Academic, 2019.

MARINA F. BYKOVA

Dr. Habil in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Religious Studies at North Carolina State University, Campus Box 8103, Raleigh, NC 27695-8103, USA, Editor-in-chief of the journals *Russian Studies in Philosophy* and *Studies in East European Thought*; Honorary Member of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russia.
E-mail: mfbykova@ncsu.edu

JULIA V. SINEOKAYA

Dr. Habil in Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Head of the Department of the History of Western Philosophy at the RAS Institute of Philosophy, 12/1 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russia.
E-mail: jvsineokaya@gmail.com.

“Experiencing Life to the Fullest”.
An Interview with Professor Marina F. Bykova

Abstract. In an interview with Professor Marina F. Bykova conducted on the occasion of her birthday anniversary, we talk about her professional career: from her student years at the Rostov State University (Rostov-on-Don, Russia) to her PhD study and then work at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), from her research stays and visiting research positions in Europe to her successful academic career in Russia and the USA. The topics under discussion include the understanding of philosophy, the specifics of the professional work as a historian of philosophy, the differences between the Continental and Analytic philosophical traditions, as well as the peculiarities of teaching philosophy in the USA, Europe, and Russia. The interview also goes into details about the journals *Studies in East European Thought* and *Russian Studies in Philosophy* and about the major requirements for publication in the American philosophical journals. The interview was conducted by Professor Julia Sineokaya.

Keywords: studies in the history of philosophy, philosophical education, philosophical journals, intellectual biography, M.F. Bykova.

References

- Bykova, M.F. *Problema myshleniya v rabote Gegelya “Filosofiya dukha”* [The Topic of Thinking in Hegel’s *Philosophy of Spirit*]: Ph.D. Diss. Moscow, 1985. (In Russian)
- Bykova, M.F. *Ponimanie myshleniya v filosofii dukha Gegelya* [The Notion of Thinking in Hegel’s *Philosophy of Spirit*] // *Voprosy filosofii*, 1986, № 4, pp. 117–128. (In Russian)
- Bykova, M.F. *Gegelevskoe ponimanie myshleniya* [Hegel’s Interpretation of Thinking]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian)
- Bykova, M.F. *Mesto i smysl fenomenologii i logiki v filosofii Gegelya* [Meaning and Place of Phenomenology and Logic in Hegel’s *Philosophy*]. Habil. Diss. Moscow, 1993. (In Russian)
- Bykova, M.F. (ed.). *German Idealism Reader: Ideas, Responses, and Legacy*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2020.
- Bykova, M.F. (ed.). *The Bloomsbury Handbook of Fichte*. London: Bloomsbury Academic, 2020.
- Bykova, M.F. and Westphal, K.R. (eds.). *The Palgrave Hegel Handbook*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020.
- Kessidi, F.Kh. *Ot mifa k logosu* [From Mythos to Logos]. Moscow, Mysl’ Publ., 1972. (In Russian)
- Kessidi, F.Kh. *Sokrat* [Socrates]. Moscow, Mysl’ Publ., 1976. (In Russian)
- Motroshilova, N.V. *Put’ Gegelya k “Nauke logiki”*. *Formirovanie printsipov sistemnosti i istorizma* [Hegel’s Path to the *Science of Logic*. The Development of the Principles of Systematicity and Historicity]. Moscow: Nauka Publ., 1984. (In Russian)
- Encyclopedia Britannica. A Dictionary of the Arts and Sciences and Literature and General Information. Eleventh Edition*: In 29 Vols. 1911. Vol. 27.
- Humboldt, W. von. “Theorie der Bildung des Menschen“, in: Humboldt, W. von. *Gesammelte Schriften*, Bd. I, 282-287. Berlin: Reimar, 1903.

Kroner, R. *Von Kant bis Hegel*. Bd. 1–2. Tübingen, 1921.

Lektorsky, V.A. and Bykova M.F. (eds.), *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century. A Contemporary View from Russia and Abroad*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019.

Stepin, V.S., Guseinov, A.A., Semigin, G.Yu. (eds.) *Novaya Filosofskaya Entsiklopedia* [New Encyclopedia of Philosophy], In 4 Vols. Vol. IV. Moscow: Mysl' Publ., 2010, pp. 195–200. (In Russian)

Zolotukhin, V.V. “Sushchestvoval li nemetskii idealizm: k voprosu ob istoriko-filosofskoi periodizatsii” [Was There German Idealism: On the Question of the Periodization in the History of Philosophy], *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015. (5), pp. 80–93. (In Russian)